

I. БЛИЖНИЙ ВОСТОКЪ. *)

(Изъ поездки въ Святую Землю, Египетъ и Грецію учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній гор. Саратова).

Среди разныхъ воспоминаній и разнообразныхъ ощущеній и чувствъ и среди обычныхъ при отходѣ парохода суматохъ и сутолкѣ мы не замѣтили, какъ нашъ пароходъ, послѣ третьяго свистка, снялся съ якоря и въ 11 ч. 30 м. отплылъ отъ Смирны. Въ Смирнѣ мы запаслись хорошими хлѣбами по 8 к. фунтъ, лимонами и сахаромъ по 9 к. фунтъ. Сахаръ по виду очень хорошъ, но слабъ и быстро таетъ, а потому очень невыгоденъ. Очень дешево въ Смирнѣ виноградныя вина и ликеры: напр., бутылка прекраснаго Кюрасо, стоящая въ Саратовѣ нѣсколько рублей, здѣсь можетъ быть приобретена за 47 копѣекъ на наши деньги.

Вскорѣ послѣ отплытія изъ Смирны всѣ мы заснули крѣпкимъ здоровымъ сномъ. Всѣ мы уже успѣли совершенно освоиться съ жизнью на морскомъ пароходѣ. „Мы здѣсь устроились, какъ дома“, говорили ученики. И дѣйствительно, во все время, за исключеніемъ качекъ, всѣ на пароходѣ чувствовали себя прекрасно. Командиръ парохода, его помощники и вся прислуга относились къ намъ внимательно и даже сердечно. Свободно мы гуляли и располагались, гдѣ хотѣли; даже съ самой верхней площадки, на которой находились командиръ и его помощники, иногда можно было любоваться открывающимися видами или безконечною морскою далью и полною грудью вдыхать цѣлебный чудный морской воздухъ. Любезность командира доходила до того, что онъ разрѣшалъ намъ разсматривать громаднѣйшія морскія карты, на которыхъ былъ обозначенъ каждый пунктъ, каждый, даже самый маленькій, необитаемый островокъ, мимо котораго мы проплывали. Хорошо, „какъ дома“, намъ было плыть на „Ефратѣ“.

Уснувъ, какъ убитые, послѣ отхода изъ Смирны, всѣ на слѣдующій день проснулись лишь послѣ отхода съ острова Хиоса. Только о. Русановъ и Д. Г. Харестани встали предъ приходомъ на островъ Хиосъ, въ 6 ч. утра.

Хиосъ въ прежнее время былъ главнымъ торговымъ пунктомъ на Средиземномъ морѣ, имѣлъ прекрасный коммерческой флотъ и славился своимъ богатствомъ. Долгій споръ генуэзцевъ и турокъ за обладаніе этимъ островомъ съ постоянными кровопролитіями на его территоріи мало по малу разорили и ослабили его торговое значеніе. Греческое возстаніе 1821 года окончилось страшнымъ истребленіемъ жителей Хиоса; въ одномъ лишь монастырѣ св. Мина ихъ погибло до 5000 подъ ударами турецкихъ солдатъ. Въ 1881 году островъ подвергся сильному землетрясенію, разрушившему большинство старинныхъ генуэзскихъ построекъ. Развалины ихъ сохраняются и по сіе время. Теперь Хиосъ насчитываетъ до 73000 жителей, ведетъ торговлю преимущественно фруктами (апельсины и лимоны) и служить въ лѣтнее время, благодаря своему сухому и даже прохладному, по сравненію съ окрестными странами, климату, чѣмъ-то вродѣ курорта для жителей

Александріи и другихъ городовъ малоазіатскаго побережья.

Городъ Хиосъ пришлось видѣть только съ парохода; городъ расположенъ на самомъ берегу моря, это небольшой городокъ вродѣ нашего Вольска. Изъ города на пароходъ продавцы принесли разныхъ фруктовъ и замѣчательную хиосскую мастику. Эта мастика готовится изъ экстракта разныхъ мѣстныхъ травъ и цвѣтовъ, на вкусъ очень сладка; по виду напоминаетъ помадку. Мастику продавали въ желѣзныхъ высокихъ коробкахъ, по 3 фунта въ каждой. Хиосская мастика распространена въ Египтѣ и считается дорогимъ и рѣдкимъ угощеніемъ. Изъ трехъ банокъ мастики, привезенныхъ съ берега, о. Русановъ, по указанію и совѣту Д. Г. Харестани, взялъ за пять піастровъ одну, въ которой мастика была болѣе твердой. Эту рѣдкость о. Русановъ вполнѣ потомъ благополучно довезъ до Саратова. Родные и знакомые о. Русанова пробовали мастику и большею частью восхищались ея вкусомъ и ароматомъ. Кромѣ мастики продавали варенье изъ розъ, фишашекъ и еще какое-то.

Недолго мы были около Хиоса: въ 7 ч. утра мы уже отплыли отъ него. Вотъ теперь мы плывемъ среди острововъ архипелага, проплыли Патмосъ—мѣсто ссылки Апостола Іоанна Богослова и написанія Апокалипсиса, —Мебосъ. Кругомъ масса острововъ; названій этихъ острововъ нѣтъ на самой подробной картѣ, имѣющейся на пароходѣ. Никто изъ окружающихъ насъ, въ томъ числѣ и командиръ парохода и его ближайшіе сотрудники, не знаютъ названій этихъ, очень маленькихъ, расположенныхъ вблизи насъ, острововъ. Мы испытываемъ сильную жару: ни тѣни прохлады. Отъ жары разслабли, разомѣли, не знали, что дѣлать, гдѣ примоселиться. Тщетно по всему пароходу всѣ мы ищемъ прохладнаго мѣста. Только на огромныхъ бакахъ съ прѣвной водой и около нихъ ощущается какъ будто что то похोजее на прохладу.

Цѣлый день мы плывемъ безостановочно. Къ вечеру стало немного прохладнѣе. Около 9 ч. вечера нашъ пароходъ началъ испытывать качку. Нанѣкоторыхъ эта незначительная качка дѣйствовала, и они уже готовы были слечь, боясь морской болѣзни; но до Родоса въ общемъ мы доплыли благополучно. Настала темная ночь; было около 11 ч. ночи, когда вдали показались огоньки: это виднѣлся островъ Родосъ. Въ 11 ч. мы бросили якорь около этого острова.

Родосъ—самый большой островъ изъ группы Спорадовъ съ населеніемъ въ 35000 человекъ и главнымъ городомъ того же названія, основанномъ въ 408 г. до Р. Х. Населеніе города Родоса смѣшанное: греки, турки, евреи и т. д. Главный предметъ торговли—фрукты. Чудный климатъ съ прохладнымъ лѣтомъ и мягкой, теплой зимой, сочетание свѣта и солнца на фонѣ синихъ горъ со снѣжными вершинами, не говоря уже о многочисленныхъ памятникахъ старины, привлекаютъ сюда много туристовъ со всѣхъ концовъ свѣта. Въ самомъ городѣ до настоящаго времени сохранились развалины крѣпости, перестроенной тампмплерами по занятіи ими Родоса въ XIV вѣкѣ. Линдосскій акрополь

*) Продолженіе, см. № 7—8 „Сар. Дух. Вѣст.“

служить однимъ изъ великолѣпныхъ памятниковъ той блестящей эпохи, когда Родосъ властвовалъ надъ веѣмъ Эгейскимъ моремъ, и дружбы его добивались Афинская республика—тогдашняя владычица міра. Родосъ вмѣстѣ съ Патмосомъ, Смирной и Аеинами оспаривали честь называться родиной Гомера. Въ 44 г. по Р. X. Родосъ былъ покоренъ римлянами. Къ туркамъ Родосъ перешелъ въ 1522 году. И до сихъ поръ Родосъ находится подъ властью мусульманъ.

Какъ только нашъ пароходъ остановился около Родоса, къ нему на лодкахъ прибыли продавцы разныхъ фруктовъ. Эти продавцы тотчасъ же появились на палубѣ; они довольно вѣжливо говорили по русски и брали русскія деньги. Пассажиры окружили продавца; поднялся шумъ, гвалтъ, невообразимая давка; не было никакой возможности что либо спокойно выбрать и купить; наперерывъ все старались купить принесенные фрукты, готовы были выхватывать другъ у друга изъ рукъ, хотя дыни, виноградъ, огурцы, особый лукъ и проч., были не особенно высокаго качества и продавались довольно дорого.

Съ бою брали пассажиры мелкій пятый черныи виноградъ, далеко не лучшаго сорта. по 1 1/2 пиастра (12 к.) за око (3 фунта); маленькія, невкусныя и несочныя дыни продавались по 1 пиастру за пару. Какъ дыни, такъ и виноградъ купившимъ пришлось болѣе половины выкинуть. Несмотря на это, все было быстро раскуплено, не осталось у продавцевъ буквально ни одной лозы винограда, ни одной дыни.

Когда мы приплыли къ Родосу, была темная ночь, ничего не было видно. Потомъ темнота понемногу стала замѣняться таинственнымъ полумракомъ; наконецъ показалась луна, освѣтившая море, островъ и родосскій маякъ, стоявшій на мѣстѣ знаменитаго Колосса родосскаго. Говорятъ, что Колоссъ Родосскій, — это одно изъ семи чудесъ свѣта, — въ главныхъ чертахъ сохранился безъ измѣненія въ такомъ видѣ, какъ онъ былъ 2000 лѣтъ тому назадъ. Маякъ стоитъ въ открытомъ морѣ, довольно далеко отъ берега, и представляетъ собою громадную, круглую, съ зубцами и съ коланчей на вершинѣ, башню, обнесенную каменной стѣной. Эта стѣна устроена въ видѣ корабля. Очень высокими крупными выступами она врѣзывается въ море. Подъ волшебнымъ блескомъ луны маякъ выступалъ во всемъ своемъ величіи и красотѣ. Много уму и сердцу говорили эти безмолвныя громады, сооруженныя рукой человека и столько вѣковъ неподвижно стоящія въ самомъ морѣ. Казалось, что этотъ древній Колоссъ въ таинственномъ полумракѣ тихой южной ночи готовъ безъ конца нашептывать очарованному путнику о жизни древнихъ грековъ, ихъ подвигахъ, битвахъ, войнахъ, искусствахъ, поэзій, о суровыхъ обладателяхъ вселенной, древнихъ римлянахъ, о средневѣковыхъ рыцаряхъ, объ изувѣрныхъ фанатичныхъ мусульманахъ. Недолго, однако, пришлось насладиться красотой и величіемъ Колосса. Не прошло и двухъ часовъ со времени нашего прихода въ родосскій рейдъ, какъ нашъ пароходъ отошелъ отъ острова. Недалеко отошли мы отъ Родоса, когда нашъ пароходъ оказался плывущимъ какъ бы по серебристой и

золотистой густой массѣ; брызги, расхлывшіяся отъ парохода въ разныя стороны, блестѣли всеми цвѣтами радуги и представляли изъ себя необыкновенно красивое зрѣлище. Вся наша группа выступила на палубу; все любовались невиданнымъ никогда красивѣйшимъ блескомъ, принимающимъ самыя причудливыя и разнообразныя формы. Сначала не могли понять, что оно значить, но весьма быстро все догадались, что это фосфориты наполняютъ окружающее насъ море. Довольно долго нашъ пароходъ прорѣзываетъ морскія волны, переполненныя фосфоритами; потомъ фосфориты понемногу начали исчезать и наконецъ совершенно скрылись съ морской поверхности, на которой отражался только таинственный блескъ луны.

На слѣдующій день, 25 июня, къ 8 ч. утра мы все уже были на ногахъ и, за неимѣніемъ прѣсной воды, умылись морской. Почти съ ранняго утра стояла необыкновенная жара, расслабляющая и повергающая въ одѣвѣніе. Чѣмъ ближе къ полудню, тѣмъ нестерпимая тропическая жара все болѣе и болѣе увеличивалась. Не было возможности ни стоять, ни сидѣть, ни дѣлать что-либо. Все, точно растерянные, бродили по пароходу, не находя нигдѣ мѣста.

Но вотъ—около 11 ч. утра,—вдали показался небольшой городъ Мерсина. Все ближе и ближе подплывали мы къ этому городу, и все яснѣе и отчетливѣе мы могли, даже простымъ глазомъ, разсмотрѣть Мерсину и ея окрестности.

Мерсина, въ древности носившая название Зефириума, расположена въ довольно хорошо защищенной бухтѣ, верстахъ въ 30-ти отъ стариннаго города Тарса, родины св. Апостола Павла. Въ Мерсинѣ можно встрѣтить національности всего міра. Жителей въ ней около 65000. Городъ ведетъ большую торговлю и служитъ главнымъ пунктомъ экспорта для огромнаго района, включающаго не только прибрежныя, но и внутренніе города малой Азійи. Недалеко отъ Мерсины находятся развалины древняго города Солесь, гдѣ оставался во время своего побѣдоноснаго движенія Александръ Македонскій. Здѣсь же собирались войска его послѣ знаменитой побѣды грековъ подъ Иссой. Разрушенный почти до основанія армяскимъ царемъ Тиграномъ, Солесь былъ снова выстроенъ Помпеемъ, который поселилъ въ немъ покоренныхъ имъ пиратовъ и назвалъ Помпейю-полисомъ. Недалеко отъ развалинъ Солеса, вверхъ по берегу небольшой рѣчки, въ древности называвшейся Липарисъ, находится саркофагъ писателя и поэта Аратуса, жившаго въ 3-мъ вѣкѣ до Р. X. Въ самой Мерсинѣ изъ древнихъ памятниковъ уцѣлѣло лишь нѣсколько колоннъ.

Мы уже совсемъ близко отъ Мерсины. Городъ расположенъ на самомъ берегу моря у подножія довольно высокой горы. Видны двухъ и трехъэтажныя дома съ красными крышами, обыкновенными европейскими, а не плоскими восточными. Можно различить мечеть, какое то зданіе, напоминающее христіанскій храмъ, и множество разныхъ построекъ, утопающихъ въ темной зелени остроконечныхъ кипарисовъ. Около нашего парохода плещетъ вѣжно зеленое, очень красивое, бирюзовое море, всюду покрытое бѣлками: море

довольно сильно волнуется. На волнах тихо покачивается какое-то громадное военное итальянское судно; около этого судна мы собираемся остановиться. Еще не бросил якоря наш пароходъ, какъ рядъ лодокъ съ арабскими гребцами и продавцами быстро приближается къ намъ; лишь только остановился пароходъ, продавцы устремились на него и скоро были на палубѣ. Они не дурно говорили по русски и товаръ продавали сравнительно недорого; такъ, очень хорошій бѣлый крупный и вкусный виноградъ у нихъ стоилъ 12 к. око (три фунта). Коробка сардинокъ, средняго размѣра, 15 коп. Мы ничего не беремъ у продавцовъ, потому что собираемся отплыть на берегъ, познакомиться съ Мерсиной и сдѣлать закупки. Въ ожиданіи лодки большинство нашихъ съ верхней площадки наблюдали окружающую кипучую жизнь. Вотъ отъ нашего парохода отбѣлилась лодка съ четырьмя пассажирами, — лицами пароходной администрации. Лодка плыветъ подъ двумя флагами: русскимъ и турецкимъ; она направляется къ городу. На пароходѣ, между тѣмъ, идетъ энергичная разгрузка. Вотъ, среди другихъ товаровъ, изъ люка вытаскиваютъ мѣшки, наполненные тѣмъ то бѣлымъ, и кладутъ ихъ на пустую фелюгу. Грузчики безцеремонно задѣваютъ крючками за мѣшки, иногда прорываютъ ихъ, причѣмъ изъ нихъ сыплется содержимое. Фелюгу нагрузили; дно судна оказалось усыпаннымъ тѣмъ то бѣлымъ, вродѣ сахарнаго песку. Фелюга отошла. На ней стоятъ трое, повидимому, грековъ, и громко кому то кричатъ: „Ела! Ела!“ У судна нѣтъ ни руля, ни парусовъ; его сильно качаетъ и все дальше и дальше отбисить отъ нашего парохода.

Лодки наши, наконецъ, поданы; мы садимся въ нихъ: арабы согласились за 2 піастра свезти насъ на берегъ и обратно. Довольно скоро мы были на сушѣ и направились вдоль морского берега. На пути мы встрѣчали множество виноградниковъ и садовъ; пальмы, апельсиновыя, лимонныя и др. деревья, свойственныя южнымъ краямъ, наполняли сады. Незамѣтно, любуясь рѣдкостными для насъ предметами, мы дошли по берегу до конца города. Вдали въ глубинѣ садовъ и виноградниковъ, виднѣлось какое-то большое бѣлое каменное зданіе, а на самомъ берегу мореконъ стоялъ турецкій солдатъ съ ружьемъ. Когда мы подошли къ нему, онъ не обратилъ, повидимому, на насъ никакого вниманія и спокойно ходилъ взадъ и впередъ по берегу; но когда мы остановились на одномъ, очень удобномъ для купанья, мѣстѣ, предлагая здѣсь искупаться, доселѣ спокойный воинъ принялъ угрожающую позу, что то громко кричалъ и направлялся къ намъ, угрожая прикладомъ. Мы поняли, что слѣдуетъ удалиться отъ этого мѣста и постарались поскорѣе уйти назадъ. Послѣ оказалось, что мы были около мѣстнаго тюремнаго замка, въ которомъ, какъ говорили, находились важные политическіе преступники.

Когда мы довольно далеко отошли отъ замка, встрѣчающіеся намъ турецкіе солдаты, уже безъ оружія, знаками дали намъ знать, что здѣсь можно купаться прямо у берега. Большинство изъ нашихъ тотчасъ же воспользовались представившеюся возмож-

ностью. Сильно припекало солнце. Была страшная жара, — 35°; поэтому каждому очень хотѣлось освѣжиться въ прохладныхъ морскихъ волнахъ. Нѣкоторые изъ нашей компаніи предпочли искупаться въ единственной по всему берегу купальнѣ, которая находилась не особенно далеко отъ берега. Купанье прекрасно освѣжило всѣхъ. Послѣ купанья мы двинулись въ обратный путь черезъ мѣстныя базары. Этотъ базаръ занималъ небольшое пространство и имѣлъ сравнительно немного лавокъ, преимущественно съ фруктами. Многие изъ нашей компаніи купили разныхъ фруктовъ, продававшихся не по дорогой цѣнѣ. Такъ, огромный лимонъ, весьма похожій на маленькія круглыя дыни, былъ купленъ всего за 2 копѣйки на наши деньги. Въ Мерсинѣ мы запаслись калачемъ, сахаромъ и мыломъ — килло — для морскихъ купаній. Трудно было ходить по сильной жарѣ, къ тому же и маленькій городъ съ узенькими, кривыми и грязными улицами не представлялъ интереса послѣ видѣнныхъ нами турецкихъ городовъ, а потому мы поспѣшии съѣсть на лодки и отплыть на своей пароходѣ. На пароходѣ кипѣла жизнь: шла нагрузка парохода разнымъ товаромъ и скотомъ.

Вотъ на паромѣ привезли болѣе десятка коровъ. Животныхъ грузятъ съ парома, привязывая за заднія ноги и поднимая на очень значительную высоту. Одна корова на нашихъ глазахъ оборвалась и упала внизъ съ самой высшей точки подъема. Несчастное животное разбилось и не могло подняться на ноги. Тогда наблюдавшій за нагрузкой помощникъ пароходнаго капитана энергично потребовалъ отъ грузчиковъ арабовъ, чтобы они поднимали коровъ, подвязавъ каждую корову особыми широкими поясами, иначе сказать при помощи, поданной съ парохода, лебедки. Поднялся страшный шумъ, перебранка, — арабы оупрямо стояли на своемъ, — имъ хотѣлось грузить по прежнему; это гораздо легче для нихъ и скорѣе. Когда помощникъ капитана сталъ настаивать на лебедкѣ, арабы совершенно прекратили работу и начали преспокойно, принявъ самую непринужденную позу, курить, не обращая ни на что никакого вниманія. Лебедку подняли на пароходѣ и приковали цѣпью. Въ это время съ другой стороны парохода грузили овецъ, привезенныхъ на фелюгѣ. По пяти овецъ связывали за переднія ноги и, въ такомъ видѣ поднимали очень высоко и медленно опускали на пароходѣ. Какъ ни болтались бѣдныя животныя, никто не обращалъ на нихъ никакого вниманія, словно это были вещи чужія, а не одушевленные существа. Только съ большимъ трудомъ удалось арабовъ уговорить хоть нѣсколько коровъ поднять на лебедкѣ. Неохотно и съ досадою уступили грубые арабы настоянью помощника капитана и весьма медленно произвели нагрузку коровъ. Такимъ образомъ у насъ неожиданно появились новые пассажиры, — нѣсколько десятковъ коровъ и овецъ. Животныхъ помѣстили на палубѣ надъ нами и вокругъ входа въ наше помѣщеніе. Благодаря упорству арабовъ при нагрузкѣ коровъ, мы изъ Мерсины, вмѣсто 9 ч. вечера, вышли въ 10 ч. и направились къ Александреттѣ. Изъ Мерсины съѣлъ

одинъ богатый арабъ—коммисіонеръ, житель Египта. Съ этимъ арабомъ, Мустафой, Директоръ заключилъ такое условіе: Мустафа обязался за 25 рублей съ каждаго человѣка провести, содержать, проводить и проч. всёхъ насъ все время, отъ высадки въ Портъ—Саидъ и до посадки въ Александрію для путешествія въ Грецію. Командиръ парохода очень хвалилъ Мустафу и говорилъ, что 25 рублей съ человѣка за все время пребыванія на Африканскомъ материкѣ очень не дорого. Пароходъ нашъ въ Александреттѣ былъ въ 7 ч. утра, 27 іюня. Мы остановились близко отъ города на рейдѣ.

Александретта небольшой городъ, расположенный въ глубинѣ Александреттскаго залива; мѣстность, занимаемая Александреттой, очень красива. Городъ со всёхъ сторонъ окруженъ весьма высокими горами, всегда покрытыми облаками; горы покрыты мѣстами сочною зеленью; между ними тамъ и сямъ виднѣются долины и ущелья, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поражающія красотой и причудливостью своихъ очертаній. Вотъ съ лѣвой стороны города особою красотой выдѣляется лощина, въ глубинѣ этой лощины простымъ глазомъ съ нашего парохода можно различить какое-то бѣловатое зданіе, напоминающее христіанскую часовню или маленькій храмъ; это—мѣсто, гдѣ, по преданію, китъ выбросилъ на берегъ пророка Іону. Городъ Александретта довольно хорошо виднѣнъ съ нашего парохода. Вся набережная занята домами, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно подходятъ къ морю и своимъ основаніемъ купаются въ бирюзовой морской водѣ. Надъ нѣкоторыми изъ нихъ развѣваются какіе то разнообразныя флаги. Много людей въ турецкіхъ костюмахъ снуютъ, движутся и, въ самыхъ неприступныхъ позахъ, сидятъ на набережной за столами, спокойно наслаждаясь кофе и любуясь разстилающимся предъ ними морскимъ раздольемъ и множествомъ разныхъ судовъ, разбросанныхъ всюду на морѣ около города. Недалеко отъ моря, немного отступивъ назадъ отъ другихъ зданій, выдѣляется высокое зданіе съ крестомъ и колокольней; по видимому это католическій храмъ. На лѣвой, по отношенію къ намъ, сторонѣ города дома становятся все ниже и ниже; нѣкоторые изъ нихъ напоминаютъ сараи, покрытые черепичными или глиняными крышами. Прямо предъ нами, въ центральной части набережной стоитъ громадное двухъ-этажное зданіе съ остроугольной черепичной крышею. Девять огромныхъ оконъ и три весьма высокихъ двери ясно различаются съ нашего парохода въ каждомъ этажѣ этого зданія; двери и окна всёхъ этажей расположены въ строгой симметріи: окно подъ окномъ, дверь подъ дверью. Въ настоящій моментъ почти всё окна и двери раскрыты, очевидно, вслѣдствіе невыносимой жары, которая очень сильно даетъ себя чувствовать и намъ на пароходѣ. Около зданія находится садъ, переполненный лимонными, персиковыми и другими тропическими деревьями и растеніями. Садъ обнесенъ бѣлою рѣшетчатою оградой. Въ воздухѣ стоитъ невыносимый зной и духота. Для освѣженія ученикамъ позволено прямо съ парохода искупаться въ морѣ вмѣстѣ съ лицами пароходной администраціи.

Купанье хоть немного освѣжило молодежь. Жара настолько сильна, что нѣтъ ни малѣйшей возможности простоять на солнцѣ хоть одну минуту,—жжетъ немилосердно и ужасно сильно. Пароходная администрація, для защиты отъ палящаго солнца, надѣла на головы англійскіе шлемы. Эти шлемы, красивые и вполне защищаютъ отъ солнечныхъ лучей и солнечнаго удара. Они, какъ намъ сказали, очень недорого стоятъ въ Портъ—Саидѣ.

Не смотря на жару, множество торговцевъ фруктами прѣхали къ намъ на пароходъ и расположились на палубѣ. Пролазаемые ими фрукты хороши и недорого; наприм., персики 1 коп. 2 штуки, око винограда 8 к. и т. д. Въ Александреттѣ къ намъ на заднюю палубу нагузили 20, или болѣе, коровъ и буйволовъ, такъ что теперь вся пароходная палуба занята скотомъ. Правда, ночью мы не ощущали запаха отъ животныхъ, какъ бы ихъ совсѣмъ не было на пароходѣ, но грязь на палубѣ невылазная, хуже, чѣмъ въ любомъ скотномъ дворѣ: буйволы, коровы и овцы тѣсно стоятъ и лежатъ среди свѣжаго навоза; не проникая въ люкъ, невыносимый, душливый запахъ сильно даетъ себя чувствовать какъ на всей палубѣ, такъ и въ столовой второго класса.

Изъ Александретты мы вышли въ 3¼ ч. дня. Когда мы плыли мимо итальянскаго судна, вся команда во главѣ съ командиромъ—на немъ были надѣты всѣ ордена и онъ былъ при всей парадной формѣ—взошла на палубу, выстроилась въ рядъ и привѣтствовала насъ;—взоры итальянцевъ были устремлены на нашу грущу, стоящую въ это время отдѣльно отъ другихъ пассажировъ на верхней палубѣ. Какъ только мы поровнялись съ итальянцами, они, какъ одинъ человѣкъ, сняли фуражки и кланялись намъ. Вслѣдъ за этимъ мы прошли мимо англійскаго крейсера второго ранга. Находившіеся на палубѣ матросы безучастно смотрѣли на насъ; очень ясно можно было различить какого-то морскаго офицера, который безмятежно спалъ въ гамакѣ. Рубка капитанская вся была затянута холстомъ.

Проплывъ мимо англійскаго крейсера, мы вмѣстѣ съ этимъ оставили сзади себя и городъ Александретту. Послѣднее зданіе города, которое мы видали, было какое то очень широкое, со множествомъ оконъ, —нѣкоторые изъ нашихъ насчитали ихъ до 24-хъ,—и одною дверью; зданіе было безъ крыша, желтоватое и не лишенное нѣкоторой красоты.

Скоро Александретта совершенно скрылась изъ нашихъ глазъ: мы плыли по открытому морю. Въ началѣ не было видно суши, но потомъ мы плыли около береговъ Малой Азіи. На горизонтѣ непрерывнымъ рядомъ тянутся высокія горы, покрытыя густыми лѣсами; среди горъ нерѣдко виднѣются красивыя разнообразныя долины. Вездѣ совершенно пустынно, совсѣмъ рѣдко можно видѣть какія-то маленькія бѣлыя точки, вродѣ построекъ. Почти вездѣ полное отсутствіе человѣческихъ жилищъ и культуры. Какъ большую рѣдкость, можно встрѣтить маленькую группу построекъ, напоминающихъ нашу небольшую деревню. Вотъ, напримѣръ,

сейчасъ мы плывемъ недалеко отъ какого-то мѣстечка. Видна мечеть, немного постройка, на вершинѣ ближайшей горки—одинокій каменный большой домъ. Съ одной стороны поселокъ окружаютъ горы, очень красивыя. Горы, какъ и всѣ видныя досель, отчасти напоминаютъ кавказскія, но имѣютъ аляповатыя очертанія и менѣе разнообразны.

Вотъ предъ нами на берегу еще что-то бѣленькое, напоминающее небольшую постройку; вдали отъ нея, за лѣсомъ и глубокимъ оврагомъ, какая-то другая постройка, черноватого цвѣта. По сторонамъ ровная мѣстность, покрытая лѣсомъ, среди котораго здѣсь и тамъ видны пространства, напоминающія наши убранныя поля, а тамъ дальше—покрытыя густыми лѣсами овраги и горы, подымающіяся все выше и выше и достигающія, наконецъ, очень значительной высоты. Къ вечеру на горизонтѣ показались Ливанскія горы: снѣжныя вершины ихъ возвышаются надъ облаками, горы на столько сливаются съ облаками, что не знаешь, гдѣ онѣ кончаются и начинаются облака. Необыкновенно красивы Ливанскія горы. Заходящее солнце своими прощальными лучами заливаетъ снѣжныя вершины. Онѣ искрятся и свѣтятся въ невозможныхъ цвѣтахъ и оттѣнкахъ на нѣжно-розовомъ фонѣ облаковъ. Это представляетъ зрѣлище ослѣпительной, захватывающей красоты! Невозможно оторвать глазъ отъ этихъ красотъ. Но, къ сожалѣнію, какъ-то сразу и довольно рано,—на нашихъ часахъ было 9 ч. вечера,—наступила ночная темнота, закрывшая отъ насъ красивѣйшія библейскія горы.

На утро намъ пришлось подняться раньше обыкновеннаго, въ 6 ч. у. Мы были въ городѣ Триполи, который нѣкоторымъ хотѣлось посѣтить и осмотрѣть. Особенно хотѣлось побывать въ Триполи Д. Г. Харестани, —его товарищъ и другъ былъ Митрополитомъ Триполійскомъ. Съ Харестани пожелали высадиться въ Триполи Директоръ, о. Русановъ, С. Ѡ. Дзержинскій и ученикъ Полонскій.

Городъ Триполи лежитъ среди снѣжныхъ горъ Антиливана. Горы выше облаковъ и съ моря ихъ легко принять за облака, потому что подошвы ихъ не видно. Триполи, какъ показываетъ самое слово-производство съ греческаго языка, представляетъ изъ себя соединеніе трехъ маленькихъ городковъ: нижняго, средняго и верхняго. Эти три части города и въ настоящее время нѣсколько отличаются одна отъ другой не только положеніемъ относительно морской поверхности, но и характеромъ постройки и торговли.

(До слѣдующаго №—ра.)

Откуда спасеніе.

Слово въ день пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

19-го февраля 1861 года—19-го февраля 1911 года.

Достославный нынѣ день у насъ, православные соотечественники!

Празднуемъ мы нынѣ совершившееся пятидесятилѣтія со дня важнѣйшей реформы царство-

ванія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра II—освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ настоящемъ церковномъ собраніи для молитвы и заиданія Словомъ Божиимъ я желаю бы, бл. сл., остановить прежде всего вниманіе ваше на томъ, почему этотъ чисто гражданскій праздникъ, праздникъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права законодательнымъ актомъ 19-го февраля 1861 г., является вмѣстѣ съ тѣмъ и праздникомъ церкви, и церковь, вмѣсто обычнаго, полагаемаго уставомъ церковнымъ будничнаго богослуженія, облекается въ свѣтлый санъ и торжественно чтитъ благолѣпнымъ служеніемъ этотъ знаменательный въ жизни русскаго народа день, съ которымъ связывается одна изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи его. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, безспорно, заключается въ томъ, что церковь, какъ чадолубивая мать, разделяетъ съ народомъ его радости и горе, а столь важный историческій актъ, какъ освобожденіе крестьянъ особенно радостенъ для нея, такъ какъ она видитъ въ немъ торжество началъ исповѣдуемой нами христіанской религіи. Освящая молитвою этотъ день, церковь молится о благѣ народа и выражаетъ желаніе, чтобы и дальнѣйшія реформы общественной жизни также велись въ духѣ христіанскихъ началъ. Провозвѣстницею же этихъ началъ и воспитательницею народа въ духѣ ихъ и является церковь Христова.

Правда, христіанство не провозглашало социальнаго, политическаго равенства, оно не требовало уничтоженія рабства путемъ насильственнаго перевота, оно провозгласило равенство душъ, искупленныхъ кровію Христа (Гал. III, 26—28), въ силу котораго въ христіанской церкви „нѣтъ ни рабовъ, ни господъ, ни бѣдныхъ, ни знатныхъ, но всяческая и во всѣхъ Христосъ“ (Колосс. III, II). Но владѣльцамъ рабовъ оно внушало всегда, что нельзя имѣть рабомъ человѣка, искупленнаго кровію Спасителя,—человѣка, который есть храмъ Духа Святого... И вотъ лучшіе люди, наиболѣе способные къ совершенствованію, съ самаго начала христіанства послушались призыва принять рабовъ не какъ уже рабовъ, а какъ братьевъ, возлюбленныхъ о Христѣ (Филим. I, 10—16) и начали опускать ихъ, видя въ этомъ дѣло угодное Богу, очищающее грѣхи. Такъ христіанство, воспитывая народъ въ понятіяхъ и чувствахъ братства лю-